

УДК 930.1

АНГЛИЙСКИЙ ИСТОРИК Д. НИКОЛЬ О ВООРУЖЕНИИ ВОИНОВ ВИЗАНТИИ (историография вопроса)

В.О. Шпаковский

Пензенский государственный университет
E-mail: slavashpak1@mail.ru

В статье рассматриваются оружие и доспехи воинов Византии так, как они представлены известным английским историком Дэвидом Николем.

Ключевые слова: Византия, Средние века, доспехи, оружие, историография.

English Historian D. Nicolle about the Warriors of Byzantine, theirs Arms and Armour (Historiography of the Problem)

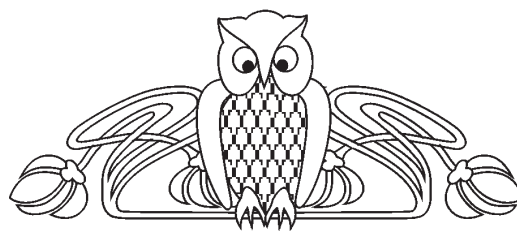
V.O. Shpakovsky

The arms and armour of the Byzantine warriors are studied in the article as it was shown by David Nicolle, a well known English historian of medieval history.

Key words: Byzantine, Middle ages, armour, arms, historiography.

Дэвид Николь, профессор Ноттингемского университета медиевистики и автор впечатляющего списка работ по истории средневекового вооружения, целый ряд которых он посвятил также и Византии, вернее, оружию и доспехам византийских воинов различных эпох, вплоть до ее окончательного краха в 1453 году. Вслед за другим английским историком Боссом Роу он замечает, что главная причина военных успехов Византии – это ее выгодное географическое положение, позволившее ей выиграть целый ряд войн против варваров¹. Именно оно и позволило «империи ромеев» на протяжении многих веков аккумулировать военные достижения многих народов и выдерживать непрерывные удары завоевателей. Так, в конце IV в. н.э. оружие в Византии выпускалось на 44 государственных предприятиях², причем все самое лучшее вооружение ее противников быстро перенималось. Например, здесь стали использовать гуннские сложносоставные луки, а также колчаны степного, либо сасанидского образца, крепившиеся или у седла (в соответствии с иранской традицией), либо на поясе как у тюркских кочевников. От аваров византийцы переняли петли в центре древа копья, позволявшие удерживать его на запястье всадника, и жесткие седла с деревянной основой, при этом именно в Византии их адаптация завершилась уже в начале VII века³.

Соответственно, как указывает Д. Николь в другой своей работе, «египетские и сирийские армии были очень близки по своему вооружению

к византийцам, с которыми постоянно воевали»⁴, причем арбалет-маджра, по его мнению, был известен арабам уже в IX веке⁵.

Чтобы предохранить себя от стрел, всадники Византии, которых по традиции продолжали называть катафрактами, носили длинные панцири из металлических пластин, нашивавшихся на кожаную, либо матерчатую основу с рукавами до локтей. Нередко такой панцирь надевался поверх традиционной кольчуги. Забрало на сфероконических шлемах, нередко с пластинчатými наушниками, у византийцев отсутствовало, однако его заменял кольчужный подшлемник из двух-трех слоев кольчужного плетения, оставлявший незащищенными только глаза. Щиты использовались и традиционно византийские (каплевидные – в виде «перевернутой капли»), и небольшие круглые, восточного образца, отчасти похожие на рыцарские рондаши и тарчи более позднего времени.

Кольчужный хауберк у византийцев назывался заба или лорикион, а кольчужный подшлемник – скаппион – служил к нему дополнением. Шлем должен иметь бармицу или, как его называют византийские источники, перитрачелион, на основе из ткани и украшенный бахромой, а также плюмаж.

Что касается веса подобных доспехов, то, например, Д. Николь, ссылаясь на малоизвестный источник 615 г., описывает один из лорикионов как «трехслойный панцирь» весом 25 кг. Более легкие доспехи, в частности ламеллярные панцири, выделялись из кожи. Кентуклон представлял разновидность «стеганой брони» для всадников, а также лошадей, в то время как такой же стеганый кабадион чаще всего использовался на церемониях. Камелакион – стеганый капюшон (скорее всего, это была просто стеганая шапка, одевавшаяся на шлем), носили вместе с эпилюрикионом – простеганным кафтаном, который всадники одевали поверх своих металлических доспехов⁶.

Характерной особенностью конницы катафрактариев являлись конские доспехи, которые были не только стегаными или склеенными из 2–3 слоев войлока, но и представляли собой настоящие панцири из костных или же металлических пластинок, нашивавшихся на тканевую либо кожаную основу, да еще и соединявшихся между собой. Благодаря этому кони тяжеловооруженных всадников Византии обладали круговой защитой от стрел или, по крайней мере, имели ее спере-

ди. К наиболее тяжеловооруженным всадникам относились так называемые клибанофоросы, надевавшие пластинчатые панцири-клибанионы поверх кольчужного хауберка, но под простеганный эпилорикион⁷.

Некоторые из них имели горловое прикрытие в виде набитого шерстью стеганого горжета, называвшегося страггулион, заимствованного, как полагают, у аваров, в то время как наиболее привилегированная часть из них – букелларии – имела еще и защитные наручники. Пехота византийцев в основном носила кольчуги римского образца и очень часто довольствовалась все лишь легким шлемом и щитом – скутой, по названию которого пехотинцев называли скутатосы («щитоносцы»).

Вооружением всадника служило длинное, до 4 м, копье – контарион (причем длина копий пехоты могла достигать и 5 м); прямой меч спатион – явный наследник римской спаты, такая же прямая однолезвийная протосабля – парамерион, известная также в Центральной Азии и Сибири. Носили их на плечевой перевязи в традициях Востока значительно чаще, нежели на перевязи у пояса, как это было больше распространено в Европе⁸.

На поле боя клибанофоросы, так же, как и рыцари Европы, выстраивались «свиньей», т.е. клином, таким образом, чтобы в первом ряду было двадцать воинов, во втором – двадцать четыре, и в каждом последующем – на четыре всадника больше, чем в предыдущем. На 300 копейщиков приходилось 80 конных лучников, несколько более легковооруженных, а в подразделении из 500 воинов их могло быть 150⁹.

Распространению византийского оружия помогало и то, что оно производилось в очень больших количествах. Например, в 949 г. только два государственных «предприятия» произвели 500 тысяч наконечников для стрел, 4 тысячи шипов для ловушек, 200 пар латных перчаток, 3 тысячи мечей, щитов и копий, а также 240 тысяч легких и 4 тысячи тяжелых стрел для разного рода метательных машин¹⁰.

При этом византийское влияние проявилось и в особенностях военного снаряжения на норманском юге, прежде всего, в использовании тамошним воинством пластинчатых доспехов в XI–XII вв.¹¹ По мнению Николая, можно говорить об общеевропейском влиянии Византии в качестве законодателя «военных мод». Поскольку в ее армии в качестве наемников служили представители самых разных народов, включая выходцев из Скандинавии¹², Руси¹³ и многих других стран Запада, которые по возвращении на родину приносили с собой образцы византийских доспехов и оружия. При этом в самой Византии, судя по иконографическим памятникам, одновременно в ходу были самые разные виды вооружения: круглые и каплевидные щиты (конец XII – начало XIII в.)¹⁴, мечи и сабли, а также типичные шлемы «шпель-де-фер», относящиеся в 1295 году¹⁵.

Д. Николь отмечает, что византийцы начали использовать каплеобразные щиты со срезанной верхней полукруглой частью, что нашло отражение в византийской иконописи, а также в изображениях на многочисленных фресках¹⁶. Однако в целом, если судить по изображениям воинов с манускриптов, доспехами византийских воинов уже в начале XIII в. являлись вполне европейского вида хауберк, кольчужные рукавицы и капюшон (авентайл), а также шоссы¹⁷.

А вот полностью закрывавшие лицо шлемы, подобные западноевропейским, судя по иконографическим источникам, которые в своей энциклопедической по объему работе «Оружие и доспехи эпохи Крестовых походов», 1050–1350 («Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350»), у византийцев отсутствовали, скорее всего, потому, что их всадники, в отличие от рыцарей-европейцев, не брезговали стрелять из лука с коня, причем делали это не только наемники-гуркопулы, но и представители византийской знати¹⁸.

В дальнейшем, а именно в XV в., Византия стала страной, комплектовавшей свою армию наемниками практически отовсюду. И хотя Д. Николь, например, считает, что в целом характер вооружения византийцев этого периода все еще остается неясным, наиболее хорошо вооруженные части в коннице так называемых страдиотов носили полное рыцарское вооружение¹⁹.

Оттоманские источники, которые он широко привлекает, отмечает, что конница христианских армий, причем не только крестоносцев с Запада, но и своя местная – византийская и сербская – была «облачена в голубоватую сталь», что явно подразумевает использование пластинчатых полированных доспехов. Турецкие наблюдатели сообщали, что всадники выступали на бронированных конях, имели массивные копья, латные перчатки, пластинчатые латы на ногах и руках, а на голове – шлемы. Другие источники, по мнению Д. Николая, как письменные, так и изобразительные, дают все основания утверждать, что эти доспехи соответствовали, скорее, итальянскому или даже испано-каталонскому стилю, нежели тем образцам, которыми пользовались турки.

В то же время существовали и определенные местные отличия. Так, европейские латники имели в основном шлемы с забралом, а византийские или балканские предпочитали открытые шлемы типа барбют и салат. Кстати, страдиоты, набравшиеся на службу Венецианской республикой на Балканском полуострове, имели небольшие щиты-тарчи даже тогда, когда от боевых рыцарских щитов в Европе уже практически отказались, а если где-то и использовали, то только на турнирах или же в качестве парадной принадлежности. Другим элементом местного воинского доспеха, как отмечает Д. Николь, стала постоянно изображавшаяся на итальянских картинах XV–XVI вв. «капеллетто албанезе», или «албанская военная шляпа» (аналог французской «шпель де фер»),

видимо, настолько популярная среди балканских страдиотов, что она удостоилась даже специфического собственного названия²⁰.

Те из византийских и балканских конников, кто не имел металлической брони, носили стеганую одежду, нередко покрытую шелком, которая при этом могла скрывать металлические защитные элементы военного костюма. Точно так же, как в Италии, где всадническое «копье» состояло из трех человек: двух латников и одного паж. Похожую организацию имела и конница страдиотов. В Италии первый латник носил более тяжелое вооружение и считался главной ударной силой, второй был оруженосцем, но, несмотря на более легкий доспех, тоже относился к тяжеловооруженным всадникам, тогда как паж на поле боя играл лишь вспомогательную роль. В Византии первый кавалерист имел кирасу и латы, его «сквайр» (помощник-слуга) мог иметь кольчужные доспехи, и даже простой «войник» (воин) мог надеяться получить защитную броню²¹.

Естественно, что после завоевания Константинополя турками их влияние, в том числе и в отношении вооружения всадников и пехотинцев, проявилось на Балканах особенно сильно. Тех же страдиотов, нанятых на службу в армии европейских государств, описывают уже «одетыми как турки», и вооружение у них было соответствующее, хотя восточных тюрбанов они и не носили²².

Примечания

¹ См.: *Boss R.* Justinian's wars. L.: Montvert, 1993. P. 72.

УДК 94(47).043+303.44]6.4(44)+929[Левек+Иван Грозный]

П.-Ш. ЛЕВЕК ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Э.В. Ильиченко

Саратовский государственный университет
E-mail: coursistca@rambler.ru

В центре внимания автора – освещение правления Ивана IV Грозного П.-Ш. Левеком на страницах его «Российской истории». Левек стал первым из французских историков, кто попытался не только дать критическую оценку эпохи, но и объективно взглянуть на личность русского самодержца XVI века.

Ключевые слова: Иван IV, П.-Ш. Левек, М.М. Щербатов, самодержавие, Россия, Просвещение.

P.-Sh. Leveque about Ivan the Terrible

E.V. Ilichenko

The author focuses on the lighting the reign of Ivan IV the Terrible by P.-Sh. Leveque on the pages of his «Russian History». Leveque was the first of the French historians who have tried to not only to give a critical assessment of the era, but also have tried to make an objective look at on the personality of the Russian autocrat of the XVI century.

² См.: *Nicolle D.* Warfare and technology // *Medieval world*. 1992. May/June. P. 49.

³ *Ibid.* P. 49.

⁴ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies 4th–9th centuries. L.: Osprey (Men-at-arms series № 247), 1992. P. 45.

⁵ *Ibid.* P. 46.

⁶ См.: *Nicolle D.* Yarmuk 636 AD. L.: Osprey (Campaign series № 31). 1994. P. 30–31.

⁷ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 24–25.

⁸ См.: *Nicolle D.* Warfare and technology... P. 53.

⁹ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 26.

¹⁰ См.: *Nicolle D.* Warfare and technology... P. 54.

¹¹ См.: *Граветт К., Николь Д.* Норманны. Рыцари и завоеватели / пер. с англ. А. Колина. М., 2007. С. 59.

¹² См., например: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 48.

¹³ См.: *Nicolle D.* Armies of Medieval Russia 750–1250. Oxford: Osprey (Men-at-arms series № 333), 1999. 48 p.

¹⁴ См.: *Nicolle D.* Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. L.: Greenhil Books, 1999. Vol. 1, 2. Vol. 2. P. 41, 359.

¹⁵ *Ibid.* P. 44, 361.

¹⁶ *Ibid.* P. 44, 362, 364.

¹⁷ *Ibid.* P. 48, 364.

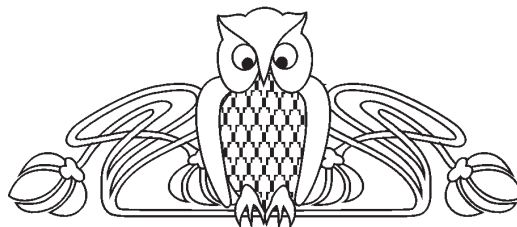
¹⁸ *Ibid.* P. 33, 351.

¹⁹ См.: *Nicolle D.* Last Roman elite // *Military illustrated*. 1999. № 134. P. 34.

²⁰ *Ibid.* P. 35.

²¹ *Ibid.* P. 36.

²² См.: *Nicolle D.* Hungry and the fall of Eastern Europe 1000–1568. L.: Osprey (Men-at-arms series № 195), 1988. 48 p.

Key words: Ivan IV, P.-Sh. Leveque, M.M. Shcherbatov, autocracy, Russia, enlightenment

П.-Ш. Левек – французский ученый эпохи Просвещения, его «Российская история» – фундаментальный труд, ставший классическим уже при жизни автора и положивший начало научному изучению русской истории во Франции.

Левек был первым из французских авторов, кто подошел к рассмотрению эпохи царствования Ивана Грозного с серьезным намерением ее объективного исследования с использованием первоисточников, русских и иностранных свидетельств. Левек был одним из немногих, кто попытался отойти от преобладавших в европейской литературе XVIII в. однозначных характеристик русского средневекового общества как царства «тирании»,